

П. Бажов

Угнетушка

П О С К А К У Ш К А

детиз 1948

Б168

П. Бажов

Угневушка

ПОСКАКУШКА

Уральские сказки

Рисунки
Л. Мильчина

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1947 Ленинград

СОДЕРЖАНИЕ

Огневушка-Поскакушка	3
Серебряное копытце	16
Голубая змейка	26
Таяткино зеркальце	41
Золотой Волос	54

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

11093

1967-68 г.

Обложка и титул Б. Дехтерева

Для младшего возраста

Ответственный редактор В. Гакима. Художественный редактор Б. Дехтерев. Технический редактор В. Голубева и Н. Румянцева. Корректоры Е. Вильтер и Е. Трушкова. Подписано к печати 21/XI 1947 г. 4 п. л. (3,2 уч.-изд. л.). Тираж 30 000 экз. А09023. Заказ № 922. Цена 2 р. 10 к.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Суэвский вал, 49.

ОГНЕВУШКА-ПОСКАКУШКА

Сидели раз старатели¹ круг огонька в лесу. Четверо больших, а пятый парнишечка. Лет так восьми, не больше. Федюнькой его звали.

Давно всем спать пора, да разговор занятный пришелся. В артёлке, видишь, один старик был. Дедко Ефим. С молодых годов он из земли золотую крупку выбирал. Мало ли каких случаев у него бывало! Он и рассказывал, а старатели слушали.

Отец уж сколько раз говорил Федюньке:

— Ложился бы ты, Тюньша, спать!

Парнишечке охота послушать.

— Погоди, тятенька! Я маленечко еще посижу.

Ну, вот... Кончил дедко Ефим рассказ. На месте костерка одни угольки остались, а старатели всё сидят да на эти угольки глядят.

Вдруг из самой серединки вынырнула девчоночка махонь-

---

¹ Старатели — люди, занимавшиеся поисками и добычей золота.

кая. Вроде куклѣнки, а живая. Волосенки рыженькие, сарафанчик голубенький и в руке платочек, тоже сголуба.

Поглядела девчонка веселыми глазками, блеснула зубенками, подбоченилась, платочком махнула и пошла плясать. И так у ней легко да ловко выходит, что и сказать нельзя. У старателей дух захватило. Глядят — не наглядятся, а сами молчат, будто задумались.

Девчонка сперва по уголькам круги давала, потом, видно, ей тесно стало — пошире пошла. Старатели отодвигаются, дорогу дают, а девчонка как круг пройдет, так и подрастет маленько. Старатели дальше отодвинутся. Она еще круг даст и опять подрастет. Когда вовсе далеко отодвинулись, девчонка по промежуткам в охват людей пошла, с петлями у ней круги стали. Потом и вовсе за людей вышла и опять ровненько закружилась, а сама уже ростом с Федюньку. У большой сосны остановилась, топнула ножкой, зубенками блеснула, платочком махнула, как свистнула:

— Фи-ть-ть! И-ю-ю-у...

Тут филин заухал, захохотал, и никакой девчонки не стало. Кабы одни большие сидели, так, может, ничего бы дальше и не случилось. Каждый, видишь, подумал: «Вот до чего на огонь загляделся! В глазах зарябило... Неведомо что померещится с устатку-то!»

Один Федюнька этого не подумал и спрашивает у отца:

— Тятя, это кто?

Отец отвечает:

— Филин. Кому больше-то? Неуж не слыхал, как он ухает?

— Да не про филина я! Его-то, поди-ко, знаю и ни капельки не боюсь. Ты мне про девчонку скажи.

— Про какую девчонку?

— А вот которая на углях плясала. Еще ты и все отодвигались, как она широким кругом пошла.

Тут отец и другие старатели давай поспрашивать Федюньку, что он видел. Парнишечка рассказал. Один старатель еще спросил:

— Ну-ко, скажи, какого она росту была?

— Сперва-то не больше моей ладошки, а подконец чуть не с меня стала.

Старатель тогда и говорит:

— А ведь я, Тюныша, точь-в-точь такое же диво видел.

Федюнькин отец и еще один старатель это же сказали. Один дед Ефим трубочку сосет и помалкивает. Старатели приступить к нему стали:

— Ты, дедко Ефим, что скажешь?

— А то и скажу, что это же видел, да думал, померещилось мне, а выходит — и впрямь Огневушка-Поскакушка приходила.

— Какая Поскакушка?

Дедко Ефим тогда и объяснил:

— Слыхал, — дескать, — от стариков, что есть такой знак на золото — вроде маленькой девчонки, ¹которая пляшет. Где такая Поскакушка покажется, там и золото. Не сильное золото, зато грудное, и не пластом лежит, а вроде редьки посажено. Сверху, значит, пошире круг, а дальше все меньше да меньше — и на-нет сойдет. Выроешь эту редьку золотого песку, и больше на том месте делать нечего. Только вот забыл, в котором месте ту редьку искать: то ли где Поскакушка вынырнет, то ли где она в землю уйдет.

Старатели и говорят:

— Это дело в наших руках. Завтра пробьем дудку ¹ сперва на месте костерка, а потом под сосной испробуем. Тогда увидим, пустяшный твой разговор или всамделе что на пользу есть.

С этим и спать легли. Федюнька тоже калачиком свернулся, а сам думает: «Над чем это филин хохотал?»

Хотел у дедка Ефима спросить, да он уже похрапывать принялся.

Проснулся Федюнька на другой день поздненько и видит — на вчерашнем огневище большая дудка вырыта, а старатели стоят у четырех больших сосен и все говорят одно:

¹ Пробить дудку — вырыть глубокую яму — шурф, чтобы искать в земле залежи золотоносного песка.

— На этом самом месте в землю ушла.

Федюнька закричал:

— Что вы! Что вы, дяденьки! Забыли, видно! Вовсе Поскакушка под этой вот сосной остановилась. Тут и ножкой притопнула.

На старателей тут сомнение пришло.

— Пятый пробудился — пятое место говорит. Был бы десятый — десятое бы указал. Пустое, видать, дело. Бросить надо.

Все-таки на всех местах испытали, а удачи не вышло. Дедко Ефим и говорит Федюньке:

— Обманное, видно, твое счастье.

Федюньке это нелюбо показалось. Он и говорит:

— Это, дедо, филин помешал. Он наше счастье обухал да обхохотал.

Дед Ефим свое говорит:

— Филин тут — не причина.

— А вот и причина!

— Нет, не причина!

— А вот и причина!

Спорят так-то вовсе бестолку, а другие старатели над ними, да и над собой смеются:

— Старый да малый — оба не знают, а мы, дураки, их слушаем да дни теряем.

С той вот поры старика и прозвали Ефим — Золотая Редька, а Федюньку — Тюнькой Поскакушкой.

Ребятишки заводские узнали, проходу не дают. Как увидят на улице, так и заведут:

— Тюнька Поскакушка! Тюнька Поскакушка! Про девчонку скажи! Скажи про девчонку!

Старику от прозвища какая беда! Хоть горшком назови, только в печку не ставь. Ну, а Федюньке по малолетству обидно показалось. Он и дрался, и ругался, и ревел не раз, а ребятишки пуще того дразнят. Хоть домой с прииска¹ не ходи. Тут еще перемена жизни у Федюньки вышла. Отец-то

¹ Прииск — место, где найдены и добываются драгоценные металлы: золото, серебро, платина и др.

у него на второй женился. Мачеха попалась, прямо сказать, медведица. Федюньку и вовсе от дома отшибло.

Дедко Ефим тоже не часто домой с прииска бегал. Намается за неделю, ему и неохота домой итти, старые ноги колотить. Да и не к кому было. Один жил.

Вот у них и повелось. Как суббота — старатели домой, а дедко Ефим с Федюнькой на прииске останутся. Что делать-то? Разговаривают о том, о другом. Дедко Ефим рассказывал побывальщины разные, учил Федюньку, по каким логам золото искать. Случалось, и про Поскакушку вспомнят. И все у них гладко да дружно. В одном сговориться не могут: Федюнька говорит, что филин — всей неудаче причина, а дедко Ефим говорит — вовсе не причина.

Раз как-то заспорили. Дело еще на свету было, при солнышке. У балагана¹ все-таки огонек был — от комаров курево. Огонь чуть видно, а дыму много. Глядят, в дыму-то появилась махонькая девчонка. Точь-в-точь такая же, как тот раз, только сарафанчик потемнее и платок тоже. Поглядела веселыми глазками, зубенками блеснула, платочком махнула, ножкой притопнула и давай плясать.

Сперва круги маленькие давала, потом больше да больше, и сама подрастать стала. Балаган на пути пришелся, только это ей не помеха. Идет, будто балагана и нет. Кружилась-кружилась, а как ростом с Федюньку стала, так и остановилась у большой сосны. Усмехнулась, ножкой притопнула, платочком махнула, как свистнула:

— Фи-ть-ть! И-ю-ю-у...

И сейчас же филин заухал, захохотал. Дедко Ефим подивился:

— Откуда филину быть, коли солнышко еще не закатилось?

Федюнька отвечает:

— Видишь вот, опять филин наше счастье спугнул! Поскакушка-то, может, от этого филина и убежала.

— А ты разве видел Поскакушку?

— А ты разве не видел?

---

¹ Балаган. — На Урале так называется шалаш из жердей, крытый дерном.

Начали они тут друг дружку расспрашивать, кто что видел. Все сошлось, только место, где девчонка в землю ушла, у разных сосен указывают.

Как до этого договорились, так дедко Ефим и вздохнул: — О-хо-хо! Видно, нет ничего. Одна это наша думка.

Только сказал, а из-под дерна по балагану дым повалил. Кинулись, а там жерди под дерном затлели. По счастью, вода близко была. Живо залили. Все в сохранности осталось, одни дедовы рукавицы обгорели. Схватил Федюнька рукавицы и видит — дырки на них, как следочки от маленьких ног. Показал это чудо дедку Ефиму и спрашивает:

— Это, по-твоему, тоже думка?

Ну, Ефиму податься некуда, сознался:

— Правда твоя, Тюньша. Знак верный: Поскакушка была. Придется, видно, завтра опять ямы бить — счастье пытаться.

В воскресенье и занялись этим с утра. Три ямы вырыли — ничего не нашли. Дедко Ефим жаловаться стал:

— Наше-то счастье — людям смех!

Федюнька опять вину на филина кладет:

— Это он, пучеглазый, наше счастье обухал да обхохотал! Вот бы его палкой!

В понедельник старатели прибежали из завода. Видят, свежие ямы у самого балагана. Сразу догадались, в чем дело. Смеются над стариком-то:

— Редька редьку искал!

Потом увидели, что в балагане пожар начинался, давай их ругать обоих. Федюнькин отец зверем на парнишку накинулся, чуть не поколотил, да дедко Ефим застоял:

— Постыдился бы мальчонку стрóжить! Без того он у тебя боится домой ходить. Задразнили да загрызли парнишку. Да и какая его вина? Я, поди-ко, оставался — с меня и спрашивай, коли у тебя урон какой случился. Золу, видно, из трубки высыпали с огоньком, вот и загорелось. Моя оплошка — мой и ответ.

Отчитал так-то Федюнькиного отца, потом и говорит парнишке, как никого из больших близко не было:

— Эх, Тюньша, Тюньша, смеется над нами Поскакушка! Другой раз случится увидеть, так ей в глаза надо плюнуть. Пускай людей с пути не сбивает да на смех не ставит!

Федюнька свое заладил:

— Дедо, она не со зла. Филин ей вредит.

— Твое дело, — говорит Ефим. — А только я больше ямы бить не стану. Побаловался — и хватит. Не молодые мои годы — за Поскакушкой скакать.

Ну, разворчался старик, а Федюньке всё Поскакушки жаль.

— Ты, дедо, не сердись на нее! Вон она какая веселая да хорошая. Счастье бы нам открыла, кабы не филин.

Про филина дедко Ефим промолчал, а на Поскакушку все ворчит:

— То-то она счастье тебе открыла! Хоть домой не ходи! Сколько ни ворчит дедко Ефим, а Федюнька свое:

— А как она, дедо, ловко пляшет!

— Пляшет-то ловко, да нам от этого ни жарко, ни холодно, и глядеть неохота.

— А я бы хоть сейчас поглядел!.. — вздохнул Федюнька. Потом и спрашивает: — А ты, дедо, отворишься? И поглядеть тебе не любо?

— Как не любо? — проговорился дедко, да спохватился и давай опять строжить Федюньку: — Ох, и упорный ты, парнишка! Ох, и упорный! Что в головушку попало, то и засело. Будешь вот, что мое же дело, всю жизнь мыкаться, за счастьем гоняться, а его, может, вовсе и нету.

— Как нету, коли я своими глазами видел!

— Ну, как знаешь, а я тебе не попутчик. Набегался. Ноги заболели.

Поспорили, а дружбу вести не перестали. Дедко Ефим по работе помогал Федюньке, показывал, а в свободный час о всяких случаях рассказывал. Учил, значит, как жить-то надо. И самые веселые у них те дни были, как они вдвоем на приiske оставались.

Зима загнала старателей по домам. Рассовал их приказчик по работам, куда пришлось, а Федюнька по малолет-

ству дома остался. Только ему дома-то не сладко. Тут еще новая беда пришла: отца на заводе покалечило. В больничную казарму его унесли — ни жив ни мертв лежит. Мачеха и вовсе медведицей стала, загрызла Федюньку. Терпел он, терпел, да и говорит:

— Пойду, не то, я к дедку Ефиму жить.

А мачехе что?

— Провались ты,—кричит,—хоть к Поскакушке своей!

Надел тут Федюня пимишки¹, шубейку-ветродуйку по-кромкой покрепче затянул. Хотел отцовскую шапку надеть, да мачеха не дала. Натянул тогда свою, из которой давно вырос, и пошел.

На улице первым делом парнишки налетели, дразниться стали:

— Тюнька Поскакушка! Тюнька Поскакушка! Скажи про девчонку!

Федюня знай идет своей дорогой. Только и сказал:

— Эх, вы, несмысленыши!

Ребятам что-то стыдно стало. Они уж вовсе по-доброму спрашивают:

— Ты куда это?

— К дедку Ефиму.

— К Золотой Редьке?

— Кому Редька — мне дедко.

— Далеко ведь! Еще заблудишься.

— Знаю, поди-ко, дорогу.

— Ну, замерзнешь. Вишь, стужа какая, а у тебя и рукавиц нет.

— Рукавиц нет, да руки есть и рукава не отпали. Засуну руки в рукава — только и дела. Не догадались!

Ребятам занятно показалось, как Федюнька разговаривает, они и стали спрашивать по-хорошему:

— Тюнька! Ты правда Поскакушку в огне видел?

— И в огне видел и в дыму видел. Может, еще где увижу, да рассказывать недосуг, — сказал Федюнька, да и зашагал дальше.

¹ Пимишки, пимы — валенки.

Дедко Ефим то ли в Косом Броду, то ли в Северной жил. На самом выезде, рассказывают, избушка стояла. Еще перед окошком сосна росла. Далеконько все-таки, а время холодное — самая середина зимы. Подзамерз наш Федюнька. Ну, дошагал все-таки. Только ему за дверную скобку взяться, вдруг слышит:

— Фи-ть-ть! И-ю-ю-у...

Оглянулся — на дороге снежок крутится, а в нем чуть метлесит клубочек, и похож тот клубочек на Поскакушку. Побежал Федюня поближе разглядеть, а клубочек уж далеко. Федюня за ним — он того дальше. Бежал-бежал за клубочком, да и забрался в незнакомое место. Глядит — поляна какая-то, а кругом лес густой. Посредине поляны береза старая, будто и вовсе неживая. Снегу около нее намело гора-горой. Клубочек подкатился к этой березе да вокруг нее и кружится. Федюнька в азарте-то не поглядел, что тут и тропочки нет, полез по цельному снегу. «Столько, — думает, — бежал, неуж опятиться!»

Добрался-таки до березы, а клубочек и рассыпался. Снеговой пылью Федюньке в глаза брызнул.

Чуть не заревел от обиды Федюнька. Вдруг у самой его ноги снег воронкой до земли протаял. Видит Федюнька — на дне-то воронки Поскакушка. Веселенько поглядела, усмехнулась ласково, платочком махнула и пошла плясать, а снег от нее бегом побежал. Где ей ножку поставить, там трава зеленая да цветки лесные.

Обошла круг — тепло Федюньке, а Поскакушка шире да шире круг берет, сама подрастает, и полянка в снегу все больше да больше. На березе уж листочки зашумели. Поскакушка того больше старается, припевать стала:

У меня тепло!
У меня светло!
Красно летичко!

А сама волчком да волчком — сарафанчик пузырем.

Когда ростом с Федюнькой выровнялась, полянка в снегу вовсе большая стала, а на березе птички запели. Жа-

рынь, как в самый горячий день летом. У Федюньки с носу пот каплет. Шапчонку свою Федюнька давно снял, хотел и шубенку сбросить. Поскакушка и говорит:

— Ты, парень, побереги тепло-то! Лучше о том подумай, как назад выберешься!

Федюнька на это и отвечает:

— Сама завела — сама выведешь!

Девчонка смеется:

— Ловкий какой! А если мне недосуг?

— Найдешь время! Я подожду.

Девчонка тогда и говорит:

— Возьми-ко лучше лопатку. Она тебя в снегу согреет и домой выведет.

Поглядел Федюнька — у березы лопатка старая валяется. Изоржавела вся, и черенок расколотый.

Взял Федюнька лопатку, а Поскакушка наказывает:

— Гляди, из рук не выпусти! Крепче держи! Да дорожку примечай! Назад тебя лопата не поведет. А ведь придешь весной-то?

— А как же! Непременно прибежим с дедком Ефимом. Как весна — так и мы тут. Ты тоже приходи поплясать.

— Не время мне. Сам уж пляши, а дедко Ефим пусть притопывает.

— Какая у тебя работа?

— Не видишь? Зимой лето делаю да таких, как ты, работников забавляю. Думаешь, легко?

Сама засмеялась, вернулась волчком и платочком махнула, как свистнула:

— Фи-ть-ть! И-ю-ю-у...

И девчонки нет, и полянки нет, и береза стоит голым-голешенька, как неживая. На вершине филин сидит. Кричать не кричит, а башкой ворочает. Вокруг березы снегу намело гора-горой. В снегу чуть не по горло провалился Федюнька и лопаткой на филина машет. От Поскакушкина лета только то и осталось, что черенок у Федюньки в руках вовсе теплый, даже горячий. А рукам тепло — и всему телу весело.

Потянула тут лопата Федюньку и сразу из снега выволокла. Сперва Федюнька чуть не выпустил лопату из рук, потом наловчился, и дело гладко пошло. Где пешком за лопатой идет, где волоком тащится. Забавно это Федюньке, а приметки ставить не забывает. Это ему тоже легонько далось. Чуть подумает засечку сделать, лопатка сейчас тюк-тюк — и две ровнешенькие зарубочки готовы.

Привела лопатка Федюню к деду Ефиму затемно. Старик уже на печку залез. Обрадовался, конечно, стал спрашивать, как да что. Рассказал Федюнька, а старик не верит. Тогда Федюнька и говорит:

— Посмотри вон лопатку-то! В сенках она поставлена.

Принес дедко Ефим лопатку, да и углядел: по ржавчине-то золотые таракашки¹ посажены. Целых шесть штук.

Тут дедко поверил маленько и спрашивает:

— А место найдешь?

— Как не найти, коли дорога замечена, — отвечает Федюнька.

На другой день дедко Ефим раздобыл лыжи у знакомого охотника и говорит:

— Давай, Тюнька, сходим все-таки!

Ходили честь-честью. По зарубкам-то ловко до места добрались. Вовсе повеселел дедко Ефим. Сдал он золотых таракашков тайному купцу², и прожили ту зиму безбедно.

Как весна пришла, побежали к старой березе. Ну, и что? С первой лопатки такой песок пошел, что хоть вовсе не промывай, а прямо руками золотины выбирай. Дедко Ефим даже поплясал на радостях. Никогда ему такого песку и видеть не приходилось.

Прихранить богатство не сумели, конечно: Федюнька — малолеток, а Ефим хоть старик, а тоже простота. Сразу по заводу слух прошел: «Тюнька Поскакушка на богатое место наскочил».

Народ со всех сторон кинулся. Потом, понятно, Федюнь-

---

¹ Золотые таракашки — крупинки золота.

² Тайный купец — купец, тайком скупавший у старателей золото, которое они должны были сдавать владельцам приисков.

ку с дедком Ефимом и прочих всех согнали начисто, и барин за себя это место перевел.

Недаром, видно, филин башкой-то ворочал. Вот и наворочал. Не попало старателям Поскакушкино золото. А оно богатое вышло — на много лет прииск.

Все-таки дедко Ефим с Федюнькой хлебнули маленько из первого ковшичка. Годов с пяток в достатке пожили.

Федюнькин отец не дожил до этой поры, а мачеха с Федюнькой ласковенько заговорила, домой звала, хозяином величала. Только Федюнька сразу отказал:

— Хозяйствуй, как знаешь. Мы с дедом к тебе не вяжемся, и ты к нам не лезь!

Поскакушку зато часто вспоминали:

— Еще бы показалась разок!

Ну, не случилось больше. А прииск тот и посейчас зовется Поскакушинский. Слыхали, аль не доводилось еще?

В каком месте сейчас Поскакушка пляшет, сказать не умею. Сами глядите. Молодым-то глазам виднее.

СЕРЕБРЯНОЕ КОПЫТЦЕ

Жил в нашем заводе старик один, по прозвищу Кокованя.

Семьи у Коковани не осталось, он и придумал взять в дети сиротку.

Спросил у соседей — нет ли кого, а соседи и говорят:

— Недавно на Глинке осиротела семья Григорья Потопаева. Старших-то девчонок приказчик велел в барскую рукодельню взять, а одну девчонку, по шестому году, никому не надо. Вот ты и возьми ее.

— Несподручно мне с девчонкой-то. Парнишечка бы лучше. Обучил бы его своему делу, пособника бы растить стал. А с девчонкой как? Чему я ее учить-то стану?

Потом подумал-подумал и говорит:

— Знавал я Григорья, да и жену его тоже. Оба веселые да ловкие были. Если девчонка по родителям пойдет, не тоскливо с ней в избе будет. Возьму ее. Только пойдет ли?

Соседи объясняют:

— Плухое житье у нее. Приказчик избу Григорьеву

отдал какому-то горюну и велел за это сиротку кормить, пока не подрастет. А у того своя семья больше десятка. Сами не досыта едят. Вот хозяйка и взъедается на сиротку, попрекает ее куском-то. Та хоть маленькая, а понимает. Обидно ей. Как не пойдет от такого житья! Да и уговоришь, поди-ко.

— И то правда, — отвечает Кокованя. — Уговорю как-нибудь.

В праздничный день и пришел он к тем людям, у кого сиротка жила. Видит — полна изба народу, больших и маленьких. У печки девчоночка сидит, а рядом с ней кошка бурая. Девчоночка маленькая и кошка маленькая, и до того худая да ободранная, что редко кто такую в избу пустит. Девчоночка эту кошку гладит, а она до того звонко мурлычет, что по всей избе слышно.

Поглядел Кокованя на девчоночку и спрашивает:

— Это у вас Григорьева-то подарёнка?

Хозяйка отвечает:

— Она самая. Мало одной-то, так еще кошку драную где-то подобрала. Отогнать не можем. Всех моих ребят перецарапала, да еще корми ее!

Кокованя и говорит:

— Неласковые, видно, твои ребята. У ней-то мурлычет.

Потом и спрашивает у сиротки:

— Ну как, подарёнушка, пойдешь ко мне жить?

Девчоночка удивилась:

— Ты, дедо, как узнал, что меня Дарёнкой зовут?

— Да так, — отвечает, — само вышло. Не думал, не гадал, нечаянно попал.

— Ты хоть кто? — спрашивает девчоночка.

— Я, — говорит, — вроде охотника. Летом пески промываю, золото добываю, а зимой по лесам за козлом бегаю, да все увидеть не могу.

— Застрелишь его?

— Нет, — отвечает Кокованя. — Простых козлов стреляю, а этого не стану. Мне посмотреть охота, в котором месте он правой передней ножкой топнет.

— Тебе на что это?

— А вот пойдешь ко мне жить, так все и расскажу, — ответил Кокованя.

Девчоночке любопытно стало про козла-то узнать. И то видит — старик веселый да ласковый. Она и говорит:

— Пойду. Только ты эту кошку, Мурёнку, тоже возьми: гляди, какая хорошая.

— Про это, — отвечает Кокованя, — что и говорить. Таковую звонкую кошку не взять — дураком остаться. Вместо балалайки она у нас в избе будет.

Хозяйка слышит их разговор. Рада-радехонька, что Кокованя сиротку к себе зовет. Стала скорей Дарёнкины пожитки собирать. Боится, как бы старик не передумал.

Кошка будто тоже понимает разговор. Трется у ног-то да мурлычет: «Пр-равильно придумал. Пр-равильно».

Вот и повел Кокованя сиротку к себе жить. Сам большой, бородатый, она махонькая, носишко пуговкой. Идут по улице, и кошечка ободранная за ними попрыгивает.

Так и стали жить вместе дед Кокованя, сиротка Дарёнка да кошка Мурёнка. Жили-поживали, добра много не наживали, а на житье не плакались, и у всякого дело было.

Кокованя с утра на работу уходил, Дарёнка в избе прибирала, похлебку да кашу варила, а кошка Мурёнка на охоту ходила, мышей ловила. К вечеру соберутся, и весело им.

Старик был мастер сказки сказывать. Дарёнка любила те сказки слушать, а кошка Мурёнка лежит да мурлычет: «Пр-равильно говорит. Пр-равильно».

Только после всякой сказки Дарёнка напомним:

— Дедо, про козла-то скажи. Какой он?

Кокованя отговаривался сперва, потом и рассказал:

— Тот козел особенный. У него на правой передней ноге серебряное копытце. В каком месте топнет этим копытцем — там и появится дорогой камень. Раз топнет — один камень, два топнет — два камня, а где ножкой бить станет — там груда дорогих камней.

Сказал это, да и не рад стал. С той поры у Дарёнки только и разговору, что об этом козле.

— Дедо, а он большой?

Рассказал ей Кокованя, что ростом козел не выше стола, ножки тоненькие, головка легонькая.

А Дарёнка опять спрашивает:

— Дедо, а рожки у него есть?

— Рожки-то, — отвечает, — у него отменные. У простых козлов на две веточки, а у этого на пять веток.

— Дедо, а он кого ест?

— Никого, — отвечает, — не ест. Травой да листом кормится. Ну, сено тоже зимой в стожках подъедает.

— Дедо, а шерстка у него какая?

— Летом, — отвечает, — буренькая, как вот у Мурёнки нашей, а зимой серенькая.

Стал осенью Кокованя в лес собираться. Надо было ему поглядеть, в которой стороне козлов больше пасется. Дарёнка и давай проситься:

— Возьми меня, дедо, с собой! Может, я хоть сдалека того козлика увижу.

Кокованя и объясняет ей:

— Сдалека-то его не разглядишь. У всех козлов осенью рожки есть. Не разберешь, сколько на них веток. Зимой вот — дело другое. Простые козлы безрогие ходят, а этот — Серебряное Копытце — всегда с рожками, хоть летом, хоть зимой. Тогда его сдалека признать можно.

Этим и отговорился. Осталась Дарёнка дома, а Кокованя в лес ушел. Дней через пять воротился Кокованя домой, рассказывает Дарёнке:

— Ныне в Полдневской стороне много козлов пасется. Туда и пойду зимой.

— А как же, — спрашивает Дарёнка, — зимой-то в лесу ночевать станешь?

— Там, — отвечает, — у меня зимний балаган у покосных ложек поставлен. Хороший балаган, с очагом, с окошечком. Хорошо там.

Дарёнка опять спрашивает:

— Серебряное Копытце в той же стороне пасется?

— Кто его знает. Может, и он там.

Дарёнка тут и давай проситься:

— Возьми меня, дедо, с собой! Я в балагане сидеть буду. Может, Серебряное Копытце близко подойдет, я и погляжу.

Старик сперва руками замахал:

— Что ты! Что ты! Статочное ли дело зимой по лесу маленькой девчонке ходить! На лыжах ведь надо, а ты не умеешь. Угрузнешь в снегу-то. Как я с тобой буду? Замерзнешь еще!

Только Дарёнка никак не отстаёт:

— Возьми, дедо! На лыжах-то я маленько умею.

Кокования отговаривал-отговаривал, потом и подумал про себя: «Сводить разве? Раз побывает — в другой не запротестуется».

Вот он и говорит:

— Ладно, возьму. Только, чур, в лесу не реветь и домой до времени не проситься!

Как зима в полную силу вошла, стали они в лес собираться. Уложил Кокования на ручные санки сухарей два мешка, припас охотничий и другое, что ему надо. Дарёнка тоже узелок себе навязала. Лоскуточков взяла кукле платье шить, ниток клубок, иголку да еще веревку.

«Нельзя ли, — думает, — этой веревкой Серебряное Копытце поймать?»

Жаль Дарёнке кошку свою оставлять, да что поделаешь! Гладит кошку-то на прощанье, разговаривает с ней:

— Мы, Мурёнка, с дедом в лес пойдем, а ты дома сиди, мышей лови. Как увидим Серебряное Копытце, так и воротимся. Я тебе тогда всё расскажу.

Кошка лукаво посматривает, а сама мурлычет: «Пр-равильно придумала. Пр-равильно».

Пошли Кокования с Дарёнкой. Все соседи дивуются:

— Из ума выжил старик! Такую маленькую девчонку в лес зимой повел!

Как стали Кокования с Дарёнкой из заводу выходить, слышат — собачонки что-то сильно забеспокоились. Такой лай да визг подняли, будто зверя на улицах увидали. Огля-

нулись — а это Мурёнка серединой улицы бежит, от собак отбивается. Мурёнка к той поре поправилась. Большая да здоровая стала. Собачонки к ней и подступиться не смеют.

Хотела Дарёнка кошку поймать да домой унести, только где тебе! Добежала Мурёнка до лесу, да и на сосну. Поди поймай! Покричала Дарёнка, не могла кошку приманить. Что делать? Пошли дальше. Глядят, а Мурёнка стороной бежит. Так и до балагана добралась.

Вот и стало их в балагане трое. Дарёнка хвалится:

— Веселее так-то.

Кокованя поддакивает:

— Известно, веселее.

А кошка Мурёнка свернулась клубочком у печки и звонко мурлычет: «Пр-равильно говоришь. Пр-равильно».

Козлов в ту зиму много было. Это простых-то. Кокованя каждый день то одного, то двух к балагану притаскивал. Шкурок у них накопилось, козлиного мяса насолили — на ручных санках не увезти. Надо бы в завод за лошадью сходить, да как Дарёнку с кошкой в лесу оставить! А Дарёнка попривыкла в лесу-то. Сама говорит старику:

— Дедо, сходил бы ты на завод за лошадью. Надо ведь солонину домой перевезти.

Кокованя даже удивился:

— Какая ты у меня разумница, Дарья Григорьевна! Как большая, рассудила. Сам про это думал, да забоишься, по-ди, одна-то.

— Чего, — отвечает, — бояться! Сам же говоришь, что балаган у нас крепкий, волкам не добиться, да и не лезут они в это место. И Мурёнка со мной. Не забоюсь. А ты по-скорее ворочайся все-таки!

Ушел Кокованя. Осталась Дарёнка с Мурёнкой. Днем-то привычно было без Коковани сидеть, пока он козлов выслеживал. Как темнеть стало, запобаивалась. Только глядит — Мурёнка лежит спокойнехонька. Дарёнка и повеселела. Села к окошечку, смотрит в сторону покосных ложков и видит — от лесу какой-то комочек катится. Как ближе подкатился, разглядела: это козел бежит. Ножки тоненькие,

головка легонькая, а на рожках по пяти веточек. Выбежала Дарёнка поглядеть, а никого нет. Подождала-подождала, воротилась в балаган, да и говорит:

— Видно, задремала я. Мне и показалось.

Мурёнка мурлычет: «Пр-равильно говоришь. Пр-равильно».

Легла Дарёнка с кошкой, да и уснула до утра.

Другой день прошел. Не воротился Кокованя. Скучненько стало Дарёнке, а не плачет. Гладит Мурёнку, да и приговаривает:

— Не скучай, Мурёнушка! Завтра дедо непременно придет.

Мурёнка свою песенку поет: «Пр-равильно говоришь. Пр-равильно».

Посидела опять Дарёнушка у окошка, полюбовалась на звезды. Хотела спать ложиться — вдруг по стене топоток прошел. Испугалась Дарёнка, а топоток по другой стене, потом по той, где окошечко, потом — где дверка, а там и сверху запостукивало. Негромко, будто кто легонький да быстрый ходит.

Дарёнка и думает: «Не козел ли тот, вчерашний, прибежал?» И до того ей захотелось поглядеть, что и страх не держит. Отворила дверку, глядит — а козел тут, вовсе близко. Спокойнешенько стоит. Правую переднюю ножку поднял — вот топнет, а на ней серебряное копытце блестит; и рожки у козла о пяти ветках. Дарёнка не знает, что ей делать, да и манит его, как домашнего:

— Ме-ка! Ме-ка!

Козел на это как рассмеялся! Повернулся, да и побежал по покосным ложкам. Пришла Дарёнушка в балаган, рассказывает Мурёнке:

— Поглядела я на Серебряное Копытце. И рожки видела и копытце видела. Не видела только, как тот козлик ножкой топает, дорогие камни выбивает. На другой раз, видно, покажет.

Мурёнка знай свою песенку поет: «Пр-равильно говоришь. Пр-равильно».

Третий день прошел, а все Коковани нет. Вовсе затуманилась Дарёнка. Слезки запokaпывали. Хотела с Мурёнкой поговорить, а ее нет. Тут вовсе испугалась Дарёнушка, из балагана выбежала кошку искать.

Ночь месячная, светлая, далеко видно. Глядит Дарёнка — кошка близко, на покосном ложке сидит, а перед ней козел. Стоит, ножку поднял, а на ней серебряное копытце блестит. Мурёнка головой покачивает, и козел тоже. Будто разговаривают. Потом стали по покосным ложкам бегать.

Бежит-бежит козел, остановится и давай копытцем бить. Мурёнка подбежит, козел дальше отскочит и опять копытцем бьет.

Долго они так-то по покосным ложкам бегали. Не видно их стало. Потом опять к самому балагану воротились. Тут вспрыгнул козел на крышу и давай по ней серебряным копытцем бить. Как искры, из-под ножки-то камешки посыпались. Красные, голубые, зеленые, бирюзовые — всякие.

К этой поре как раз Кокованя и вернулся. Узнать своего балагана не может. Весь он как ворох дорогих камней стал. Так и горит-переливается разными огнями. Наверху козел стоит и все бьет да бьет серебряным копытцем, а камни сыплются да сыплются.

Вдруг Мурёнка скок туда же! Встала рядом с козлом, громко мяукнула, и ни Мурёнки, ни Серебряного Копытца не стало.

Кокованя сразу полшапки камней нагреб, да Дарёнка запрсила:

— Не тронь, дедо! Завтра днем еще на это поглядим.

Кокованя послушался. Только к утру-то снег большой выпал. Все камни и засыпало.

Перегребали потом снег-то, да ничего не нашли. Ну, им и того хватило, сколько Кокованя в шапку нагреб.

Все бы хорошо, да Мурёнки жалко. Больше ее так и не видали, да и Серебряное Копытце тоже не показался. Потешил раз — и будет.

Только раз случай такой вышел.

Коковане что-то крепко занедужилось, а Дарёнка еще

до полного возраста не дошла. Девушка, конечно, смысленная, работающая, а все же трудненько ей пришлось, как старик из сил выбился. И камешки дорогие к той поре у них на исходе были.

Вот Дарёнка и повздыхала: как, дескать, дальше-то жить будем, когда последний камешек проедем?

Подумала так и слышит, будто рядом кошка фыркнула. Огляделась — никого нет. Спросила Кокованю:

— Дедо, ты ничего не слышал?

А старик и говорит:

— Слышал, вроде как наша Мурёнка фыркнула, ровно ей что не по нраву пришлось.

Дарёнка тут и созналась в своих думах. Кокованя ее укорил:

— Зря ты, девушка, подумала! Не нами сказано: ленишься да унывать не будешь — завсегда хлеба добудешь.

Только он это промолвил, Дарёнка слышит — в сундучке, где камешки лежали, что-то зашуршало. Поглядела, а он полнехонек. Да еще новенькие камешки появились, каких раньше не было. Показала Коковане, он и объяснил:

— Таковую штуку гранильщики зовут «кошачий глазок». Ничего, камешек подходящий, в цене.

А по тем покосным ложкам, где козел скакал, люди камешки находить стали.

Зелененькие больше. Хризолитами называются. Видали?

ГОЛУБАЯ ЗМЕЙКА

Росли в нашем заводе два парнишечка по близкому соседству: Ланко Пужанко да Лейко Шапочка.

Кто и за что им такие прозвания придумал, это сказать не умею. Меж собой эти ребята дружно жили. Под стать подобрались. Умишком вровень, силенкой вровень, ростом и годами — тоже. И в житее большой различки не было. У Ланка отец рудобоем¹ был, у Лейка — на золотых песках горевал², а матери, известно, по хозяйству мытарились. Ребятам и нечем было друг перед дружкой погордиться.

Одно у них не сходилось: Ланко свое прозвище за обиду считал, а Лейку лестно казалось, что его этак ласково зовут — Шапочка. Не раз у матери припрашивал:

— Ты бы, маменька, сшила мне новую шапку! Слы-

¹ Рудобой — горнорабочий, добывающий руду — горную породу, содержащую металл.

² На золотых песках горевал — работал на золотых приисках.

шишь, люди меня Шапочкой зовут, а у меня тятин малахай, да и тот старый.

Дружбе ребячьей это не мешало. Лейко первый в драку лез, коли кто обзовет Ланка Пужанком.

— Какой он тебе Пужанко? Кого испугался?

Так вот и росли парнишечки рядом да ладком. Рассорки, понятно, случались, да не надолго.

И то у ребят вровень пришлось, что оба последними в семьях росли. Повольготнее таким-то. С малыми не водиться. От снегу до снегу домой только поест да поспать прибегают. Мало ли в ту пору у ребят всякого дела: в бабки поиграть, в городки, шариком, порыбачить тоже, покупаться, за ягодами, за грибами сбегать, все горочки облазить, пенечки на одной ноге обскакать. Утянутся из дому с утра — ищи их!

Только этих ребят не больно искали. Как вечером прибегают домой, так на них поварчивали:

— Пришел, наше шатало! Корми-ко его!

Зимой по-другому приходилось. Зима, известно, всякому зверю хвост подожмет и людей не обойдет. Ланка с Лейкой по избам загоняла. Одежонка, видишь, слабая, обувь жиденькая — недалеко в них ускочишь. Только и хватало тепла — из избы в избу перебежать.

Чтоб большим под руку не подвертываться, забьются оба на полати, да там и посиживают. Двоим-то все-таки веселее. Когда и поиграют, когда про лето вспоминают, когда просто слушают, о чем большие говорят.

Вот раз сидят этак-то, а к Лейковой сестре Марьюшке подружки набежали. Время к Новому году подвигалось, а по девичьему обряду в ту пору про женихов ворожат. Девчонки и затеяли такую ворожбу. Ребятам любопытно поглядеть, да разве подступишься! Близо не пускают, а Марьюшка по-свойски еще подзатыльников надавала: «Уходите на свое место!»

Она, видишь, эта Марьюшка, из сердитеньких была. Который год в невестах, а женихов не было. Девушка будто и вовсе хорошая, да маленько косоротенька. Изъян вро-

де и невелик, а парни все же браковали ее из-за этого. Ну, она и сердилась.

Забились ребята на полати, пыхтят да помалкивают, а девчонкам весело. Золу сеют, муку по столешнице¹ раскатывают, угли перекидывают, в воде брызгаются. Перемазались все, с визгом хохочут одна над другой, только Марьюшке не весело. Она, видно, изверилась во всякой ворожбе, говорит:

— Пустяк это. Одна забава.

Одна подружка на это и скажи:

— По-доброму-то ворожить боязно.

— А как? — спрашивает Марьюшка.

Подружка и рассказала:

— От бабушки слыхала — самое правильное гаданье будет такое. Надо вечером, как все уснут, свой гребешок на ниточке повесить на поветях², а на другой день, когда еще никто не пробудился, снять этот гребешок — тут все и увидишь.

Все любопытствуют: как? А девочка объясняет:

— Коли в гребешке волос окажется — в тот год замуж выйдешь. Не окажется волоса — нет твоей судьбы. И про то догадаться можно, какой волосом муж будет.

Ланко с Лейком заметили этот разговор и то смекнули, что Марьюшка непременно так ворожить станет. А оба в обиду на нее за подзатыльники-то. Ребята и стоворились:

— Подожди! Мы тебе припомним!

Ланко в тот вечер домой ночевать не пошел, у Лейка на полатах остался. Лежат, будто похрапывают, а сами друг дружку кулачками в бока подтыкают: гляди, не усни!

Как большие все уснули, ребята слышат — Марьюшка в сенки вышла. Ребята за ней — и углядели, как она на повети залезла и в котором месте там возилась. Углядели — и поскорее в избу. За ними следом Марьюшка прибе-

---

¹ Столешница — доска, на которой замешивают и раскатывают тесто для хлеба.

² Поветь — сеновал.

жала. Дрожит, зубами чекает. То ли ей холодно, то ли боязно. Потом легла, поежилась маленько и, слышно стало, уснула.

Ребятам того и надо. Слезли с полатей, оделись, как пришлось, и тихонько вышли из избы. Что делать, об этом они уж сговорились.

У Лейка, видишь, мерин был, не то чалый, не то бурый; звали его Голубко. Ребята и придумали этого мерина Марьюшкиным гребешком вычесать. На поветях ночью-то боязно, только ребята один перед другим храбрятся. Нашли на поветях гребешок, начесали с Голубка шерсти и гребешок на место повесили.

После этого в избу пробрались и крепко-накрепко заснули. Пробудились позднехонько. Из больших в избе одна Лейкова мать была, у печки топталась.

Пока ребята спали, тут вот что случилось. Марьюшка утром поднялась раньше всех и достала свой гребешок. Видит, волосу много. Обрадовалась: жених кудрявый будет. Побежала к подружкам похвастаться. Те глядят — что-то не совсем ладно. Дивятся, какой волос чудной. Ни у одного знакомого парня такого не видывали. Потом одна разглядела в гребешке волос из конского хвоста. Подружки и давай хохотать над Марьюшкой.

— У тебя, — говорят, — женихом-то Голубко оказался!

Марьюшке это за большую обиду. Она разругалась с подружками, а те знай хохочут. Кличку ей объявили: Голубкова невеста.

Прибежала Марьюшка домой, жалуется матери — вот какое горе приключилось, а ребята помнят вчерашние подзатыльники и с полатей поддразнивают:

— Голубкова невеста, Голубкова невеста!

Марьюшка тут вовсе разревелась, а мать смекнула, чьих это рук дело, закричала на ребят:

— Что вы, бесстыдники, наделали! Без того у нас девку женихи обходят, а вы ее на смех поставили.

Ребята поняли — совсем неладно вышло, давай переко-
ряться:

— Это ты придумал!

— Нет, ты!

Марьюшка из этих перекоров тоже поняла, что ребята ей такую штуку подстроили, кричит им:

— Чтоб вам самим голубая змейка привиделась!

Тут опять на Марьюшку мать напустилась:

— Замолчи, дура! Разве можно такое говорить? На весь дом беду накличешь!

Марьюшка в ответ на это свое говорит:

— Мне что до этого! Не глядела бы на белый свет!

Хлопнула дверью, выбежала в ограду и давай там снегой лопатой Голубка гонять, будто он в чем провинился. Мать вышла, сперва пристрожила девку, потом в избу увела, уговаривать стала.

Ребята видят — не до них тут, утянулись к Ланку. Забили там на полати и посиживают смиренхонько. Жалко им Марьюшку, а чем теперь поможешь? И голубая змейка в головах застряла. Шопотом спрашивают один у другого:

— Лейко, ты не слыхал про голубую змейку?

— Нет, а ты?

— Тоже не слыхивал.

Шептали-шептали, решили у больших спросить, когда дело маленько призамнется. Так и сделали.

Как Марьюшкина обида позабылась, ребята и давай разузнавать про голубую змейку. Кого ни спросят, те отмахиваются: «не знаю», да еще грозятся:

— Возьму вот прут да отвожу обоих! Забудете о таком спрашивать!

Ребятам от этого еще любопытнее стало: что за змейка такая, про которую и спрашивать нельзя?

Нашли-таки случай. По праздничному делу у Ланка отец пришел домой порядком выпивши и сел у избушки на заваulinke. А ребята знали, что он в такое время поговорить больно охоч.

Ланко и подкатился:

— Тятя, ты видал голубую змейку?

Отец, хоть сильно выпивши был, даже отшатнулся, потрезвел и заклятье сделал:

— Чур, чур, чур! Не слушай, наша избушка-хороминка! Не тут слово сказано!

Пристрожил ребят, чтоб напередки такого не говорили, а сам все-таки выпивши, поговорить-то ему охота. Посидел так, помолчал, потом и говорит:

— Пойдемте на бережок. Там свободнее про всякое сказывать.

Пришли на бережок. Закурил Ланков отец трубку, оглянулся во все стороны и говорит:

— Так и быть, скажу вам, а то еще беды наделаете своими разговорами. Вот слушайте!..

Есть в наших краях маленькая голубенькая змейка. Ростом не больше четверти и до того легонькая, будто в ней вовсе никакого весу нет. По траве идет, так ни одна былинка не погнется. Змейка эта не ползает, как другие, а свернется колечком, головенку выставит, а хвостиком упирается и подскакивает, да так бойко, что и не догонишь ее. Когда она этак-то бежит, вправо от нее золотая струя сыплется, а влево — черная-пречерная.

Одному увидеть голубую змейку — прямое счастье. Наверняка верховое золото окажется, где золотая струя пошла. И много его. Поверху большими кусками лежит. Только оно тоже с подводом. Если лишкухватишь да хоть капельку сбросишь, все в простой камень повернется. Зтой раз тоже не придеши, потому место сразу забудеши.

Ну, а когда змейка двоим-троим либо целой артельке покажется, тогда вовсе верная беда. Все перессорятся и такими ненавистниками друг дружке станут, что до смертоубийства дело дойдет...

У меня отец на каторгу ушел из-за голубой змейки. Сидели как-то артелью и разговаривали, а она и покажись. Тут у них и пошла неразбериха. Двоих насмерть в драке убили, остальных пятерых на каторгу угнали. И золота никакого не оказалось. Потому вот про голубую змейку и не говорят: боятся, как бы она не показала при двоих

либо троих. А показаться она везде может: в лесу и в поле, в избе и на улице.

Да еще рассказывают, будто голубая змейка иной раз человеком прикидывается, только узнать ее все-таки можно. Как идет, так даже на самом мелком песке следов не оставляет. Трава, и та под ней не гнется. Это первая примета, а вторая такая: из правого рукава золотая струя бежит, из левого черная пыль сыплется.

Наговорил этак-то Ланков отец и наказывает ребятам:

— Смотрите, никому об этом не говорите и вдвоем про голубую змейку вовсе даже не поминайте. Когда в одиночку случится быть и кругом людей не видно, тогда хоть криком кричи.

— А как ее звать? — спрашивают ребята.

— Этого, — отвечает, — не знаю. А если бы знал, тоже бы не сказал, потому опасное это дело.

На том разговор и кончился. Ланков отец еще раз строго наказал ребятам помалкивать и вдвоем про голубую змейку даже не помянуть.

Ребята сперва сторожились, один другому напоминали:

— Ты, гляди, про эту штуку не говори и не думай, как со мной вместе. В одиночку надо.

Только как быть, когда Лейко с Ланком всегда вместе и голубая змейка ни у того, ни у другого с ума нейдет?

Время к теплу подвинулось. Ручейки побежали. Первая весенняя забава — около живой воды повозиться: лодочки пускать, запруды строить, меленки водой крутить. Улица, на которой ребята жили, крутиком к пруду спускалась. Весенние ручейки тут скоро сбежали, а ребята в эту игру не наигрались. Что делать? Они взяли по лопатке, да и побежали за завод. Там, дескать, из лесу еще долго ручейки бежать будут, на любом поиграть можно. Так оно и было.

Выбрали ребята подходящее место и давай запруду делать, да поспорили, кто лучше умеет. Решили на деле проверить, каждому в одиночку плотинку сделать. Вот и разошлись по ручью-то. Лейко пониже, Ланко — повыше шагов, поди, на полсотни. Сперва перекликались:

— У меня смотри-ко!

— А у меня! Хотя завод строй!

Ну, все-таки работа. Оба крепко занялись, помалкивают, стараются, как лучше сделать. У Лейка привычка была что-нибудь припевать за работой. Он и подбирает разные слова, чтобы складно вышло:

Эй-ка, эй-ка, голубая змейка!

Объявись, покажись, колеском покрутись!

Только пропел, видит — на него с горки голубенькое колечко катится. До того легонькое, что сухие былинки и те под ним не сгибаются.

Как ближе подкатилось, Лейко разглядел: это змейка; колечком свернулась, головенку вперед уставила, да на хвостике и подсакивает. От змейки в одну сторону золотые искры летят, в другую черные струйки брызжут.

Глядит на это Лейко, а Ланко ему кричит:

— Лейко, гляди-ко, вон она, голубая змейка!

Оказалось, что Ланко это же самое видел, только змейка к нему из-под горки поднималась. Как Ланко закричал, так голубая змейка и потерялась куда-то. Сбежались ребята, рассказывают друг другу, хвалятся:

— Я и глазки разглядел!

— А я хвостик видел! Она им упрется и подскочит.

— Думаешь, я не видел? Из колечка-то чуть высунулся.

Лейко, как он все-таки поживее был, побежал к своему пруду к лопатке.

— Сейчас, — кричит, — золота добудем!

Прибежал с лопаткой и только хотел ковырнуть землю с той стороны, где золотая струя прошла, Ланко на него налетел:

— Что ты делаешь? Загубишь себя! Тут, поди-ка, черная беда рассыпана!

Подбежал к Лейку и давай его отталкивать. Тот свое кричит, упирается. Ну, и разодрались ребята. Ланку с гор-

ки сподручнее, он и оттолкал Лейку подальше, а сам кричит:

— Не допущу в том месте рыться! Себя загубишь. Надо с другой стороны.

Тут Лейко опять набросился:

— Никогда этого не будет! Загинешь там. Сам видел, как в ту сторону черная пыль сыпалась.

Так вот и дрались. Один другого остерегают, а сами тумачи дают. До реву дрались. Потом разбираться стали, да и поняли, в чем штука: видели змейку с разных сторон, потому правая с левой и не сходятся.

Подивились ребята:

— Как она нам головы закружила! Обоим навстречу показалась. Насмеялась над нами, до драки довела, а к месту и не подступишься. В другой раз, не прогневайся, не позво-
вем. Умеем, а не позво-
вем!

Решили так, а сами только о том и думают, чтоб еще раз поглядеть на голубую змейку. У каждого на уме и то было: не попытать ли в одиночку? Ну, боязно, да и перед дружкой как-то нескладно. Недели две, а то и больше все-таки о голубой змейке не разговаривали. Лейко начал:

— А что, если нам еще раз голубую змейку позвать? Только чтоб с одной стороны глядеть.

Ланко добавил:

— И чтоб не драться, а сперва разобрать, нет ли тут обмана какого.

Сговорились так, захватили из дому по кусочку хлеба да по лопатке и пошли на старое место.

Весна в том году дружная стояла. Прошлогоднюю ветошь всю зеленой травой закрыло. Весенние ручейки давно пересохла. Цветов много появилось.

Пришли ребята к старым своим запрудам, остановились у Лейкиной и начали припевать:

Эй-ка, эй-ка, голубая змейка!

Объявись, покажись, колеском покрутись!

Стоят, конечно, плечо в плечо, как уговорились. Оба босиком, по теплomu времени. Не успели кончить припевку, от Ланковой запруды показалась голубая змейка. По молодой-то траве скоренько поскакивает. Направо от нее — густое облачко золотой искры, налево — такое же густое — черной пыли.

Катит змейка прямо на ребят. Они уж разбежаться хотели, да Лейко смекнул, ухватил Ланка за пояс, поставил перед собой и шепчет:

— Негоже на черной стороне оставаться!

Змейка все же их перехитрила — меж ног у ребят прокатилась. У каждого одна штанина золоченой оказалась, другая как дегтем вымазана. Ребята это и не заметили, смотрят, что дальше будет. Голубая змейка докатилась до большого пня и тут куда-то подевалась.

Подбежали, видят: пенёк с одной стороны золотой стал, с другой — черным-чернехонек и тоже твердый, как камень. Около пня дорожка из камней, направо — желтые, налево — черные.

Ребята, конечно, не знали вескости золотых камней. Ланко сгоряча ухватил один и чует: ой, тяжело, не донести такой! — а бросить боится. Помнит, что отец говорил: сбросишь хоть капельку — все в простой камень перекинется. Он и кричит Лейку:

— Поменьше выбирай, поменьше! Этот тяжелый!

Лейко послушался, взял поменьше, а он тоже тяжелым оказался. Тут он понял, что у Ланка камень вовсе не под силу, и говорит:

— Брось, а то надорвешься!

Ланко отвечает:

— Если брошу, все в простой камень обернется.

— Брось, говорю! — кричит Лейко, а Ланко упирается: нельзя.

Ну, опять дракой кончилось. Подрались, наревелись, подошли еще раз посмотреть на пенек да на каменную дорожку, а ничего не оказалось. Пенёк как пенёк, а никаких камней, ни золотых, ни простых, вовсе нет. Ребята и судят:

— Обман один эта змейка. Никогда больше думать о ней не будем.

Пришли домой, там им за штаны попало. Матери отмузули того и другого, а сами дивятся:

— Как-то им пособит и вымазаться на один лад! Одна штанина в глине, другая — в дегтю! Ухитриться тоже надо!

Ребята после этого вовсе на голубую змейку осердились:

— Не будем о ней говорить!

И слово свое твердо держали. Ни разу с той поры у них и разговору о голубой змейке не было. Даже в то место, где ее видели, ходить перестали.

Раз ребята ходили за ягодами. Набрали по полной корзиночке, вышли на покосное место и сели тут отдохнуть. Сидят в густой траве, разговаривают, у кого больше набрано да у кого ягода крупнее. Ни тот, ни другой о голубой змейке и не подумал. Только видят — прямо к ним через покосную лужайку идет женщина. Ребята сперва этого в примету не взяли. Мало ли женщин в лесу в эту пору! Кто за ягодами, кто по покосным делам. Одно показалось им непривычным: идет, как плывет, совсем легко. Поближе подходить стала, ребята разглядели — ни один цветок, ни одна травинка под ней не согнутся. И то углядели, что с правой стороны от нее золотое облачко колышется, а с левой — черное.

Ребята и уговорились:

— Отвернемся. Не будем смотреть. А то опять до драки доведет.

Так и сделали. Повернулись спинами к женщине, сидят и глаза зажмурили. Вдруг их подняло. Открыли глаза, видят — сидят на том же месте, только примятая трава поднялась, а кругом два широких обруча: один золотой, другой чернокаменный. Видно, женщина обошла их кругом, да из рукавов и насыпала.

Ребята кинулись бежать, да золотой обруч не пускает: как перешагивать, он и поднимется и поднырнуть тоже не дает. Женщина смеется:

— Из моих кругов никто не выйдет, если сама не уберу.
Тут Лейко с Ланком взмолились:

— Тетенька, мы тебя не звали!

— А я, — отвечает, — сама пришла поглядеть на охотников добыть золото без работы.

Ребята просят:

— Отпусти, тетенька, мы больше не будем! И без того мы два раза подрались из-за тебя.

— Не всякая, — говорит, — драка человеку в покор, за иную и наградить можно. Вы по-хорошему дрались. Не из-за корысти либо жадности, а друг дружку охраняли. Недаром золотым обручем от черной беды вас отгородила. Хочу еще испытать.

Насыпала из правого рукава золотого песку, из левого — черной пыли, смешала на ладони, и стала у нее плитка черно-золотого камня. Женщина эту плитку прочертила ногтем, и она распалась на две ровнешенькие половинки. Женщина подала половинки ребятам и говорит:

— Коли который хорошее другому задумает, у того плиточка золотой станет; коли пустяк — выйдет бросовый камешек.

У ребят давно на совести лежало, что они Марьюшку сильно обидели. Она хоть с той поры ничего им не говорила, а ребята видели — стала она вовсе невеселая. Теперь ребята про это и вспомнили, и каждый пожелал:

«Хоть бы поскорее прозвище «Голубкова невеста» забылось и вышла бы Марьюшка замуж!»

Пожелали так, и плиточки у обоих стали золотые. Женщина улыбнулась:

— Хорошо подумали! Вот вам за это награда.

И подает им по маленькому кожаному кошельку с ремешком завязкой.

— Тут, — говорит, — золотой песок. Если большие станут спрашивать, где взяли, скажите прямо: «Голубая змейка дала, да больше ходить за этим не велела». Не посмеют дальше разузнавать.

Поставила женщина обручи на ребро, облокотилась на

золотой правой рукой, на черный — левой и покатила по покосной лужайке.

Ребята глядят — не женщина это, а голубая змейка, и обручи в пыль перешли. Правый — в золотую, левый — в черную.

Постояли ребята, запрятали свои золотые плиточки да кошелечки по карманам и пошли домой. Только Ланко промолвил:

— Не жирно все-таки отвалила золотого песку!

Лейко на это и говорит:

— Столько, видно, заслужили.

Дорогой Лейко чувствует — сильно потяжелело у него в кармане. Еле вытащил свой кошелек, до того он вырос. Спрашивает у Ланка:

— У тебя тоже кошелек вырос?

— Нет, — отвечает, — такой же, как был.

Лейку неловко показалось перед дружкой, что песку у них не поровну, он и говорит:

— Давай отсыплю тебе.

— Ну что ж, — отвечает, — отсыпь, если не жалко.

Сели ребята близ дороги, развязали свои кошельки, хотели выровнять, да не вышло. Возьмет Лейко из своего кошелька горсточку золотого песку, а он в черную пыль перекинется.

Ланко тогда и говорит:

— Может, всё то опять обман.

Взял щепотку из своего кошелечка. Песок как песок, настоящий золотой. Высыпал щепотку Лейку в кошелек — перемены не вышло.

Тогда Ланко и понял: обделила его голубая змейка за то, что пожадничал на даровщину. Сказал об этом Лейку, и кошелек на глазах стал прибывать.

Домой пришли оба с полнехонькими кошельками, отдали свой песок и золотые плиточки семейным и рассказали, как голубая змейка велела.

Все, понятно, радуются, а у Лейка в доме еще новость: к Марьюшке приехали сваты из другого села. Марьюшка

веселехонько бегают, и рот у нее в полной исправе. От радости, что ли? Жених верно — какой-то чубарый волосом, а парень веселый, к ребятам ласковый. Скоренько с ним сдружились.

Голубую змейку с той поры ребята никогда не вызывали. Поняли, что она сама наградой прикатит, если заслужишь, и оба удачливы в своих делах были.

Видно, помнила их змейка и черный свой обруч от них золотым отделяла.

ТАЮТКИНО ЗЕРКАЛЬЦЕ

Был еще на руднике такой случай.

В одном забое¹ пошла руда со шлифом. Отобьют кусок, а у него, глядишь, какой-нибудь уголышек гладехонек. Как зеркало, блестит: глядись в него, кому любо.

Ну, рудобоям не до забавы. Всяк от стариков слышал, что это примета вовсе худая.

— Пойдет такое — берегись! Это Хозяйка горы зеркало расколотила. Сердится. Без обвала дело не пройдет.

Люди, понятно, и сторожатся, кто как может, а начальство — в первую голову.

Рудничный смотритель как услышал про эту штуку, сразу в ту сторону и ходить перестал, а своему подручному надзирателю наказывает:

— Распорядись подпереть проход двойным переключом да вели очистить забой до надежного потолка. Тогда сам погляжу.

---

¹ Забой — место в руднике, где вырубают руду.

Надзирателем на ту пору пришелся Ераско Поспешай. Егозливый такой старичонко. На глазах у начальства всегда рысью бегал. Чуть ему скажут — со всех ног кинется и бестолку народ полюшит, как на пожар.

— Поспешай, ребятушки, поспешай! Руднично дело тихого ходу не любит. Одна нога здесь, другая нога — там. За суматошливость-то его Поспешаем и прозвали.

Только в этом деле и у Поспешая ноги заболели. В глазах свету не стало, норовит чужими поглядеть. Подзывает рудничного плотника, да и говорит:

— Сбегай-ка, Иван, огляди хорошенько да смекни, сколько бревен подтаскивать, и начинайте благословясь. Руднично дело, сам знаешь, мешкоты не любит, а у меня, как на грех, в боку колотье поднялось и поясница отнялась. Еле живой стою. К погоде, видно. Так вы уж без меня по-старайтесь. Чтоб завтра к вечеру готово было!

Плотнику податься некуда — пошел, а тоже не торопится. Сколь ведь в руднике ни тошно, а в могилу до своего часу все же никому неохота. Ераско даже пригрозил ему:

— Поспешай, братец, поспешай! Не оглядывайся! Ленивых-то, сам знаешь, у нас хорошо на пожарной бодрят¹. Видал, поди?

Он, этот Ераско Поспешай, — лисьей повадки человечишко. Говорил сладенько, а на деле самый зловредный был. Никто столько народу под плети не подводил, как этот Поспешай. Боялись его.

На другой день к вечеру поставили переклады. Крепкая надежная, что говорить, только ведь гора! Бревном не удержишь, коли она осадку дает.

Ераско Поспешай все же осмелел маленько. Хоть и стоит и на колотье в боку жалуется, а у перекладов ходит и забой оглядел. Видит — дело тут прямо смертное, плетями в тот забой не всякого загонишь. Вот Ераско и перебирает про себя, кого бы на это дело нарядить.

---

¹ Хорошо на пожарной бодрят — наказывают, бьют плетями в пожарном сарае.

Под рукой у Ераски много народу ходило, только смиреннее Гани Зари не было. Надиво безответный мужик выдался. То ли его смолоду заколотили, то ли такой уродился, — никогда поперек слова не молвит. А как у него семейная беда приключилась, он и вовсе слова потерял. У Гани, видишь, жена зимним делом на пруду рубахи полоскала, да и соскользнула под лед. Вытащить ее вытащили, да, видно, застудилась и к весне свечкой стояла. Оставила Гане сына да дочку. Как говорится, красных деток на черное житье.

Сынишко не зажился на свете, вскорости за матью в землю ушел, а девчоночка ничего — востроглазенькая да здоровенькая. Таюткой звали. Годов четырех она от матери осталась, а в своей ровне на примете была, на всякие игры первая выдумщица. Не раз и доставалось ей за это.

Поссорятся девчонки на игре, разревутся, да и бегут к матерям жаловаться:

— Это все Тайка Заря придумала!

Матери, известно, своих всегда пожалеют да приголубят, а Таютке грозят:

— Ах она вострошарая! ¹ Поймаем вот ее — да вицей! ² Еще отцу скажем! Узнает тогда, в котором месте заря с зарей сходится. Узнает!

Таютка, понятно, отца не боялась. Чувала, поди-ко, что она ему, как порошок в глазу, — только об ней и думал. Придет с рудника домой, одна ему услада — на забавницу свою полюбоваться да послушать, как она лепечет о том, о другом. А у Таютки повадки не было, чтобы на обиды свои жаловаться, о веселом больше помнила.

Ганя с покойной женой дружно жил, жениться второй раз ему неохота, а надо. Без женщины в доме с малым ребенком, конечно, трудно. Иной раз Ганя и надумает: «Беспреренно женюсь!» — а как послушает Таютку, так и мысли врозь.

---

¹ Вострошарая — востроглазая.

² Вица — прут, хворостина.

— Вот она у меня какая забавуха растет, а мачеха придет — все веселье погасит.

Так без жены и маялся. Хлеб стряпать соседям отдавал, и варево, какое случалось, в тех же печах ставили. Пойдет на работу, непременно соседским старухам накажет:

— Доглядите вы, сделайте милость, за моей-то!

Те, понятно:

— Ладно, ладно! Не беспокойся.

Уйдет на рудник, а они и не подумают. У всякой ведь дела хоть отбавляй. За своими внучатами доглядеть не успевают, про чужую и подавно не вспомнят.

Хуже всего зимой приходилось. Избушка, видишь, худенькая, теплуху подтапливать надо. Не малой же девчонке это дело доверить! Старухи во-время не заглянут — Таютка и мерзнет до вечера, пока отец с рудника не придет да печь не затопит. Вот Ганя и придумал: «Стану брать Таютку с собой. В шахте у нас тепло. И на глазах будет. Хоть сухой кусок, да во-время съест».

Так и стал делать. А чтобы от начальства привязки не было, что, дескать, женщине в шахту спускаться нельзя, он стал обряжать Таютку парнишкой. Наденет на нее братнюю одежонку, да и ведет с собой. Рудобой, которые по соседству жили, знали, понятно, что у Гани не парнишка, а девчонка, да им-то что! Видят, по горькой нужде мужик с собой ребенка в рудник таскает, жалеют его и Таютку позабавить стараются. Известно, ребенок! Всякому охота, чтоб ему повеселее было. Берегут ее в шахте, потешают, кто как умеет. То на порожней тачке подвезут, то камешков узорчатых подкинут.

Прозвище ей дали — Натал Гаврилыч. Как увидят, сей-час разговор:

— А, Натал Гаврилыч!

— Как житьишком, Натал Гаврилыч?

— Отцу пособлять пришел, Натал Гаврилыч? Дело, друг, дело. Давно пора, а то где же ему одному управиться!

Не каждый, конечно, раз таскал Ганя Таютку с собой, а все-таки частенько. Она и сама к тому привыкла; чуть не всех рудобоев, с которыми отцу приходилось близко стоять, знала.

Вот на этого-то Ганю Ераско и нацелился. С вечера говорит ему ласковенько:

— Ты, Ганя, утре ступай-ко к новым перекладам. Очисти там забой до надежного потолка!

Ганя и тут отговариваться не стал, а как пошел домой, заподумывал, что с Таюткой будет, коли гора его не пощадит.

Пришел домой, — у Таютки нос от реву припух, ручки расцарапаны, под глазом синяк и платишко все порвано. Кто-то, видно, обидел. Про обиду свою Таютка все-таки рассказывать не стала, а только сразу запросилась:

— Возьми меня, тятя, завтра на рудник с собой!

У Гани руки задрожали, а сам подумал: «Верно, не лучше ли ее с собой взять? Какое ее житье, коли живым не выйду!»

Прибрал он свою девчушку, сходил к соседям за хлебкой, поужинали, и Таютка сейчас свернулась на скамеечке, а сама наказывает:

— Тятя, смотри не забудь меня разбудить! С тобой пойду.

Уснула Таютка, а отцу, конечно, не до этого. До свету просидел, всю свою жизнь вспомнил, в конце концов решил: «Возьму! Коли погибнуть доведется, так вместе».

Утром разбудил Таютку, обрядил ее, по обычаю, парнишкой, поели маленько и пошли на рудник.

Только видит Таютка — что-то не так: знакомые дяденьки как незнакомые стали. На кого она поглядит, тот и глаза отведет, будто не видит. И Натал Гаврилычем никто ее не зовет. Как осердились все. Один рудобой заворчал на Ганю:

— Ты бы, Гаврилю, этого не выдумывал — ребенка с собой таскать. Неровен час, какой случай выйдет!

Потом парень-одиночка подошел. Сам в землю глядит и говорит тихонько:

— Давай, дядя Гаврило, поменяемся. Ты с Таюткой на мое место ступай, а я на твое.

Тут другие зашумели:

— Чего там! По жеребьевке надо! Давай Поспешая! Пушай жеребьевку делает, коли такое дело!

Только Поспешая нет и нет. Рассылка от него прибежал: велел, дескать, спускаться, его не дожидаясь. Хворь приключилась, с постели подняться не может.

Хотели без Поспешая жеребьевку провести, да один старичок ввязался. Он, этот старичонко, в доброй славе ходил. Бывальцем считали и всегда по отчеству звали, только как он низенького роста был, так маленько с шуткой: Полукарпыч.

Этот Полукарпыч мысли и повернул.

— Пойдите-ко, — говорит, — пойдите! Что зря горячиться! Может, Ганя умнее нашего придумал. Хозяйка горы наверняка его с дитей-то помилует. Податная на это, будьте покойны! Гляди, еще девчонку к себе в гости сводит. Помяни мое слово.

Этим разговором Полукарпыч и погасил у людей стыд. Всяк подумал: «На что лучше, коли без меня обойдется», и стали лоскорее расходиться по своим местам.

Таятка не поняла, конечно, о чем спор был, а про Хозяйку заметила. И то ей диво, что в шахте все по-другому стало. Раньше всегда на людях была, кругом огоньки мелькали, и людей видно: кто руду бьет, кто нагребает, кто на тачках возит. А на этот раз все куда-то разошлись, а они с отцом по пустому месту вдвоем шагают, да еще Полукарпыч увязался за ними же.

— Мне, — говорит, — в той же сторонке работа, провожу до места.

Шли, шли, — Таятке тоскливо стало, она и давай спрашивать отца:

— Тятя, мы куда пошли? К Хозяйке в гости?

Гаврило вздохнул и говорит:

— Как придется! Может, и попадем.

Таютка опять:

— Она далеко живет?

Гаврило, конечно, молчит, не знает, что сказать, а Полукарпыч и говорит:

— В горе-то у ней во всяком месте дверки есть, да только нам не видно.

— А она сердитая? — спрашивает опять Таютка.

А Полукарпыч и давай тут насказывать про Хозяйку, ровно он ей родня либо свойственник. И такая и сякая, не-мазаная-сухая. Платье зеленое, коса черная, в одной руке каёлка¹ махонькая, в другой — цветок. И горит этот цветок, как хорошая охалка смолья, а дыму нет. Кто Хозяйке приглянется, тому она этот цветок и отдаст, а у самой сейчас же в руке другой появится.

Таютке это любопытно. Она и говорит:

— Вот бы мне такой цветочек!

Старичонко и на это согласен:

— А что ты думаешь? Может, и отдаст, коли пугаться да реветь не будешь. Очень даже просто.

Так и заговорил ребенка. Таютка только о том и думает, как бы поскорее Хозяйку поглядеть да цветочек получить. Говорит старику-то:

— Дедо, я ни за что, ну вот ни за что не испугаюсь и реветь не буду!

Вот пришли к новым перекладам. Верно, крепь надежная поставлена и смолье тут наготовлено. Ганя со стариком занялись смолье разжигать. Дело, видишь, такое — осветиться хорошенько надо, одних блёндочек² мало; а огонь развести в таком месте тоже без оглядки нельзя.

Пока они тут место подходящее для огнища устроили да с разжогом возились, Таютка стоит да оглядывает кругом, нет ли тут дверки, чтоб к Хозяйке горы в гости пойти.

---

¹ Каёлка — кайло, инструмент, которым отбивают руду.

² Блёндочка, блёнда — рудничная лампочка.

Глазенки, известно, молодые, острые. Таютка и углядела ими — в одном месте, невысоко от земли, вроде ямки кругленькой, а в ямке что-то блестит. Таютка подобралась к этому месту, да и поглядела в ямку, а ничего нет. Тогда она давай пальчишком щупать. Чует — гладко, а края отстают, как старая замазка. Таютка и давай то место расколупывать — дескать, пошире ямку сделаю. Живо очистила место с небольшое окошечко, да тут и заревела во всю голову:

— Тятя! Дедо! Большой парень из горы царапается!

Гаврило со стариком подбежали, видят — как зеркало в породу вдавлено и до того человека большим кажется, что и признать нельзя.

Сперва-то они и сами испугались, потом поняли, и старик стал над Таюткой посмеиваться:

— Наш Натал Гаврилыч себя не признал! Гляди-ко, я нисколько не боюсь того вон старика, даром что он такой большой. Что хошь, заставлю его сделать. Потяну за нос — он себя потянет, дерну за бороду — он тоже. Гляди: я высунул язык — и он свой ротище разявил и язык выкатил! Как бревно!

Таютка поглядела из-за дедушкина плеча. Точно — это он и есть, только сильно большой. Забавно ей показалось, как дедушка дразнится. Сама вперед высунулась и тоже давай всякие штуки строить.

Скоро ей охота стала на свои ноги посмотреть — пониже, значит, зеркало спустить. Она и начала с нижнего конца руду отколупывать. Отец с Полукарпычем глядят — руда под Таюткиными ручонками так книзу и поползла, мелкими камешками под ноги сыплется. Испугались, думали — обвал. Ганя подхватил Таютку на руки, отбежал подальше, да и говорит:

— Посиди тут! Мы с дедушкой место очистим. Тогда тебя позовем. Без зову смотри не ходи — осержусь!

Таутке горько показалось, что не дали перед зеркалом позабавиться. Накуксилась маленько, губенки надула, а не заревела. Знала, поди-ко, что большим на работе мешать

нельзя. Сидит, нахохлилась да от скуки перебирает камешки, какие под руку пришлись. Тут и попался ей один занятный. Величиной с ладошку. Исподка у него руда-рудой, а повернешь — там вроде маленькой чашечки либо блюдца. Гладко-гладко выкатано и блестит, а на закрайках как листочки прилипли. А пуще того занятно, что из этой чашечки на Таютку тот же большой парень глядит. Таютка и занялась этой игрушкой.

А тем временем отец со стариком в забое старались. Сперва-то остерегались, а потом на-машок у них работа пошла. Верхушка только потруднее пришлась: высоко, да и боязно, как бы порода большими кусками не посыпалась. Старик велел Гане у забоя стоять, чтоб Таютка на ту пору не подошла, а сам взмогился на чурбаках и живой рукой верх очистил.

И вышло у них в забое, как большая чаша внаклон поставлена, а кругом порода узором легла, и до того крепкая, что каёлка ее не берет.

Старик для верности и по самой чаше не раз каёлкой стучал.

Стучал-стучал, — чаша гудит, как литая медь, а от каёлки на камне даже малой чатинки¹ не остается. Тут оба уверились — крепко. Побежал отец за Таюткой. Она пришла, поглядела и говорит:

— У меня такое есть! — и показывает свой камешек.

Большие видят — верно, на камешке чаша и весь ободок из точки в точку. Ну, все как есть, только маленькое. Старик тут и говорит:

— Это, Таютка, тебе Хозяйка горы, может, на забаву, а может, и на счастье дала.

Таютка отвечает:

— Нет, дедо, я сама нашла.

Гаврило тоже посомневался:

— Мало ли какой случай бывает!

На спор у них дело пошло. Стали в том месте, где

---

¹ Чатинка — царапинка.

Таютка сидела, все камешки перебирать. Даже сходства не обозначилось. Тогда старик и говорит:

— Вот видите, какой камешек! Другого такого в жизнь не найти! Береги его, Таютка, и никому не показывай, а то узнает начальство — отберут.

Таютка от таких слов голосом закричала:

— Не отдам! Никому не отдам!

А сама поскорее камешек за пазуху и ручонкой прижала, — дескать, так-то надежнее.

К вечеру по руднику слух прошел:

— Обошлось у Гани по-хорошему. Вдвоем с Полукарпычем они гору руды набили да еще зеркало вырыли. Цельное, без единой чатинки, и ободок узорчатый.

Всякому, конечно, любопытно. Как к подъему объявили, народ и кинулся сперва поглядеть.

Прибежали, видят — верно, над забоем зеркало наклонилось, и кругом из породы явственно рама обозначилась, как руками высечена. Зеркало не доской, а чашей: в середине поглубже, а по краям на-нет сошло. Кто поближе подойдет, тот и шарахнется сперва, а потом засмеется. Зеркало-то, видишь, человека вовсе несообразно кажет. Нос — как гора, волос на усах — как дрова разбросали. Даже глядеть страшно, и смешно тоже. Народу тут и набилось густо. Старики, понятно, оговаривают: не до смеху, дескать, тут дело вовсе сурьезное. А молодых разве угомонишь, коли на них смех напал! Шум подняли, друг над дружкой подшучивают. Таютку кто-то подтащил к самому зеркалу, да и кричит:

— Это вот тот большой парень зеркало открыл!

Другие отзываются:

— И впрямь, так! Не будь Таютки, не смеяться бы тут. Таюткино зеркало и есть!

А Таютка помалкивает да ручонкой крепче свое маленькое зеркальце прижимает.

Ераско Поспешай, конечно, тоже услышал про этот случай — сразу выздоровел, спустился в шахту и пошел к Ганиному забою. Вперед шел, так еще про хворь помнил, а

как оглядел место да увидел, что народ не боится, — сразу рысью забегал и закричал своим обычаем:

— Поспешай, ребятушки, к подъему! Не до ночи вас ждать. Руднично дело мешкоты не любит. Эка невидаль — гладкое место в забое пришлось!

А сам другое смекает: «Напишу-ка я грамотку барыне. Тогда мне награда будет».

Ну, и написал. Так, мол, и так, стараньем надзирателя такого-то открыли в руднике диковинное зеркало. Не иначе, самой Хозяйки горы. Не желаете ли поглядеть?

На другой же день на семи ли, восьми тройках приехала барыня и первым делом потребовала к себе Ераска.

— Показывай, какое зеркало нашел!

Приказчик, смотритель и другое начальство прибежали. Узнали дело, отговаривают: никак невозможно женщине в шахту. Только уговорить не могут. Заладила свое:

— Пойду и пойду!

Делать нечего, стали ее спускать. Начальство все в беспокойстве, один Ераско радуется, рысит перед барыней, в две блёндочки ей светит. Довел-таки до места. Оглядела барыня зеркало. Тоже посмеялась, какими оно людей показывает, потом барыня и говорит Ераску:

— Ты мне это зеркало целиком вырежь да в мой дом ставь!

Ераско давай ей втолковывать, что сделать это никак нельзя, а барыня свое:

— Хочу, чтоб это зеркало у меня стояло, потому как я хозяйка этой горы!

Только проговорила, вдруг из зеркала рудой плюнуло. Барыня завизжала и без памяти повалилась.

Суматоха поднялась. Начальство подхватило барыню — да поскорее к выходу. Один Ераско в забое остался. Его, видишь, тем плевком с ног сбило и до половины мелкой рудой засыпало. Вытащить его вытащили, да только ноги ему по-настоящему отшибло — больше не поспешал и народ зря не полошил.

А зеркала в горе не стало: все осыпалось.

Зато у Таютки зеркальце сохранилось. Большого счастья оно не принесло, а все-таки свою жизнь она не хуже других прожила. Зеркальце-то, сказывают, своей внучке передала. И сейчас будто оно хранится, только неизвестно у кого.

ЗОЛОТОЙ ВОЛОС

Было это в давних годах. Наших русских в здешних местах тогда и в помине не было. Башкиры тоже не близко жили. Им, вишь, для скота приволье требуется, а тут где же? Лес такой — ни пройти, ни проехать. В лес только те ходили, что зверя промышляли.

И был, рассказывают, в башкирах охотник один, Айлып прозывался. Удалее его не было. Медведя с одной стрелы бил, сохатого¹ за рога схватит да через себя бросит — тут зверю и конец. Про волков и говорить не осталось. Ни один не уйдет — лишь бы Айлып его увидал.

Вот раз едет этот Айлып на своем коне по открытому месту и видит — лисичка бежит. Для такого охотника лиса — добыча малая. Ну, все же так думает: «Дай позабавлюсь, плеткой пришибу». Пустил Айлып коня, а лисичку догнать не может. Приловчился стрелу пустить, а лисички — быть бывало. Ну что? Ушла так ушла — ее счастье.

¹ Сохатый — лось.

Только подумал, а лисичка вон она, за пенечком стоит, да еще потягивает, будто смеется: «Где тебе!»

Вошел в задор Айлып: «Погоди, рыжая!»

Еланки¹ кончились, пошел густой-прегустой лес, только это Айлыпа не остановило. Слез он с коня — да за лисичкой пешком, а удачи все нет. Тут она, близко, а стрелу пустить не может. Отступить тоже неохота. Ну, как — этаким охотник, а лису забить не сумел!

Так-то и зашел Айлып вовсе в неведомое место. И лисички не стало. Искал, искал — нет.

«Дай, — думает, — огляжусь, где хоть я».

Выбрал листвянку повыше, да и залез на самую вершину. Глядит, недалечко от той листвянки речка с горы бежит. Небольшая речка, веселая, с камешками разговаривает и в одном месте так блестит, что глаза не терпят. «Что, — думает, — такое?» Глядит, а за кустиком на белом камешке девица сидит красоты невиданной, неслыханной, косу через плечо перекинула и по воде конец пустила. А коса-то у ней золотая и длиной десять сажен. Речка от этой косы так горит, что глаза не терпят.

Загляделся Айлып на девицу, а она подняла голову, да и говорит:

— Здравствуй, Айлып! Давно я от своей нянюшки-лисички про тебя наслышана. Будто ты всех больше да краше, всех сильнее да удачливее. Не возьмешь ли меня замуж?

— А какой, — спрашивает, — за тебя калым² платить?

— Какой, — отвечает, — калым, коли мой тятенька всему золоту хозяин! Да и не отдаст он меня добром. Убегом надо, коли смелости да ума хватит.

Айлып рад-радехонек. Соскочил с листвянки, подбежал к тому месту, где девица сидела, да и говорит:

— Коли твое желание такое, так про меня и слов нет. На руках унесу, никому отбить не дам.

---

¹ Еланки — поляны, открытые места.

² Калым — выкуп, который платил жених за невесту ее отцу.

В это время лисичка у самого камня твякнула, ткнулась носом в землю, поднялась старушонкой сухонькой, да и говорит:

— Эх, Айлып, Айлып, пустые слова говоришь! Силой да удачей похваляешься, а не мог вот в меня стрелу пустить!

— Правда твоя, — отвечает. — В первый раз со мной такая оплошка случилась.

— То-то и есть. А тут дело похитрее будет. Эта девица — Подозова дочь, прозывается Золотой Волос. Волосы у нее из чистого золота. Ими она к месту и прикована. Сидит да косу полощет, а весу не убывает. Попробуй вот, подыми ее косыньку — узнаешь, впору ли тебе ее снести.

Айлып — ну, он из людей на отличку — вытащил косу и давай ее на себя наматывать. Намотал сколько-то рядов, да и говорит той девице:

— Теперь, милая моя невестушка Золотой Волос, мы накрепко твоей косой связаны. Никому нас не разлучить! С этими словами подхватил девицу на руки, да и пошел. Старушонка ему ножницы в руки сует:

— Возьми-ко ты, скороумный, хоть это.

— На что мне? Разве у меня ножа нет?

Так бы и не взял Айлып, да невеста его Золотой Волос говорит:

— Возьми — пригодятся: не тебе, так мне.

Вот пошел Айлып лесом. С листвянки-то он понял маленько, куда правиться. Сперва бойко шел, только и ему тяжело, даром что сила была — с людьми не сравнишь. Невеста видит — Айлып притомился, и говорит:

— Давай я сама пойду, а ты косу понесешь. Легче всё ж таки будет, дальше уйдем. А то хватится меня тягенька — живо притянет.

— Как, — спрашивает, — притянет?

— Сила, — отвечает, — ему такая дана: золото, какое он пожелает, к себе в землю притягивать. Пожелает вот взять мои волосы — и уж тут никому против не устоять.

— Это еще поглядим! — отвечает Айлып, а невеста его Золотой Волос только усмехнулась.

Разговаривают так-то, а сами идут да идут. Золотой Волос еще и поторапливает:

— Подальше бы нам выбраться! Может, тогда тятенькиной силы нехватит.

Шли, шли — немоготу стало.

— Отдохнем маленько, — говорит Айлып.

И только они сели на траву, так их в землю и потянуло. Золотой Волос успела-таки, ухватила ножницы, да и пере-стригла волосы, какие Айлып на себя намотал. Тем только он и ухранился. Волосы в землю ушли, а он поверх остался.

Вдавило все ж таки его, а невесты не стало. Не стало и не стало, будто вовсе не было.

Выбился Айлып из ямины и думает: «Это что же? Невесту из рук отняли — и неведомо кто! Ведь это стыд моей голове. Никогда тому не бывать! Живой не буду, а найду ее».

И давай он в том месте, где девица та сидела, землю копать. День копает, два копает, а толку мало. Силы, вишь, у Айлыпа много, а инструменту — нож да шапка. Много ли им сделаешь!

«Надо, — думает, — заметку положить да домой сходить, лопату притащить».

Только подумал, а лисичка, которая его в те места завела, тут как тут. Сунулась носом в землю, старушонкой сухонькой поднялась, да и говорит:

— Эх ты, скороум, скороум! Ты золото добывать собрался али что?

— Нет, — отвечает, — невесту свою отыскать хочу.

— Невеста твоя, — говорит, — давным-давно на старом месте сидит, слезы точит да косу в речке мочит. А коса у нее стала двадцать сажен. Теперь и тебе не в силу будет ту косу поднять.

— Как же быть, тетушка? — спросил Айлып.

— Давно бы, — говорит, — так. Сперва спроси да узнай, потом за дело берись. А дело твое будет такое. Ступай ты домой, да и живи так, как до этого жил. Если в три года невесту свою Золотой Волос не забудешь, опять

за тобой приду. Один побежишь искать — тогда вовсе ее больше не увидишь.

Не привык Айлып так-то ждать, ему бы схватку да сразу, а ничего не поделаешь — надо. Пригорюнился и пошел домой.

Ох, только и потянулись эти три годочка! Весна придет, и той не рад — скорей бы она проходила. Люди примечать стали: что-то подеялось с нашим Айлыпом, на себя не походит. Родня, та прямо приступает:

— Ты здоров ли?

Айлып ухватит человек лять подюжее на одну руку, поднимет кверху, покрутит, да и скажет:

— Еще про здоровье спроси — вон за ту горку всех побросаю!

Свою невесту Золотой Волос из головы не выпускает. Так и сидит она у него перед глазами. Охота хоть сдалека поглядеть на нее, да наказ той старушонки помнит, не смеет.

Только вот когда третий год пошел, увидел Айлып девчонку одну. Молоденькая девчоночка, из себя чернявенькая и веселая, вот как птичка синичка. Все бы ей подсакивать да хвостиком помахивать. Эта девчоночка мысли у Айлыпа и перешибла. Заподумывал он: все, дескать, люди в моих-то годах давным-давно семьями обзавелись, а я нашел невесту, да и ту из рук упустил. Хорошо, что никто об этом не знает. Засмеяли бы! Не жениться ли мне на этой чернявенькой? Там-то еще выйдет либо нет, а тут калым заплатим — и бери жену. Отец с матерью рады будут ее отдать, да и она, по всему виду, плакать не станет.

Подумает так, потом опять свою невесту Золотой Волос вспомнит, только уж не по-старому. Не столько ее жалко, сколь обидно — из рук вырвали. Нельзя тому попу-саться!

Как кончился третий год, увидел Айлып ту лисичку. Стрелу про нее не готовил, а пошел, куда та лисичка пошла, только дорогу примечать стал: где лесину затешет, где

на камне свою тамгу¹ выбьет, где еще какой знак поставит. Пришли к той же речке. Сидит тут девица, а коса у нее вдвое больше стала. Подошел Айлып, поклонился:

— Здравствуй, невеста моя любезная, Золотой Волос!

— Здравствуй, — отвечает, — Айлып! Не кручинься, что коса у меня больше стала. Она много полегчала. Видно, крепко обо мне помнил. Каждый день чуяла — легче да легче стаёт. Напоследок только заминка вышла. Не забывать ли стал? А то, может, кто другой помешал?

Спрашивает, а сама усмехается, вроде как знает. Айлып стыдно сперва сказать-то было, потом решился, начистоту все выложил — на девчонку-де чернявенькую заглядываться стал, жениться подумывал.

Золотой Волос на это и говорит:

— Это хорошо, что ты по совести все сказал. Верю тебе. Пойдем поскорее. Может, удастся нам на этот раз туда убежать, где тятенькина сила не возьмет.

Вытащил Айлып косу из речки, намотал на себя, взял у няни-лисички ножницы, и пошли они лесом домой. Дорожка-то у Айлыпа меченая: ходко идут.

До ночи шли. Как вовсе темно стало, Айлып и говорит:

— Давай полезем на дерево. Может, твоего отца сила с дерева не достанет.

— И то правда, — отвечает Золотой Волос.

Ну, а как двоим на дерево залезать, коли они косою-то, как веревкой, связаны! Золотой Волос и говорит:

— Отстригнуть надо. Зря эку тягость на себе таскаем. Хватит, если до пят хоть оставить.

Ну, Айлыпу жалко.

— Нет, — говорит, — лучше так сохранить. Волосы-то вишь какие мягкие да тонкие! Рукой погладить любо.

Вот размотал с себя Айлып косу. Полезла сперва на дерево Золотой Волос. Ну, женщина — непривычно дело: не может. Айлып ей так, сяк подсобляет — взлепилась-таки до сучков. Айлып за ней живехонько и косу ее всю с земли поднял.

¹ Тамга — знак, клеймо.

— Тут и переждем до свету, — говорит Айлып.

А сам давай свою невесту косой-то к сучкам припутывать — не свалилась бы, коли задремать случится. Привязал хорошо, да еще похвалился:

— Ай-ай, крепко! Теперь сосни маленько, а я покараулю. Как свет, так и разбужу.

Золотой Волос, и верно, скоренько уснула, да и сам Айлып задремывал. Такой, слышь-ко, сон навалился, никак отогнать не может. Глаза протрет, головой повертит, так, сяк поворочается — нет, не может тот сон одолеть. Так вот голову-то и клонит. Птица филин у самого дерева вьется, беспокойно кричит: «Фубу! Фубу!» — ровно упреждает: берегись, дескать.

Только Айлыпу хоть бы что — спит себе похрапывает и сон видит, будто подъезжает он к своему кошу¹, а из коша его жена Золотой Волос навстречу выходит. И всех-то она краше да милее, а коса у ней так золотой змеей и бежит, будто живая.

В самую полночь вдруг сучья затрещали — загорелись. Айлыпа обожгло и на землю сбросило. Видел только, что из земли большое огненное кольцо засверкало и невеста его Золотой Волос стала как облачко из мелких-мелких золотых искорок. Подлетели искорки к тому кольцу и потухли. Подбежал Айлып — ничем-ничего, и потемки опять, хоть глаз выколи. Шарит руками по земле... Ну, трава, да камешки, да сор лесной. В одном месте нашарил-таки конец косы. Сажени две, а то и больше. Повеселел маленько Айлып: «Памятку оставила и знак подала. Можно, видно, добиться, что не возьмет отцова сила ее косу».

Подумал так, а лисичка уж под ногами потявкивает. Сунулась носом в землю, поднялась старушонкой, да и говорит:

— Эх ты, Айлып скороумный! Тебе что надо: косу или невесту?

---

¹ Кош — жилище башкир-кочевников.

— Мне, — отвечает, — невесту мою надо с золотой косой на двадцать сажен.

— Опоздал, — говорит: — коса-то теперь стала тридцать сажен.

— Это, — отвечает Айлып, — дело второе. Мне бы невесту мою любезную достать.

— Так бы и говорил! Вот тебе мой последний сказ. Ступай домой и жди три года. За тобой больше не приду, сам дорогу ищи. Приходи смотри час в час, не раньше и не позже. Поклоняйся еще дедку Филину, не прибавит ли тебе ума.

Сказала — и нет ее. Как светло стало, пошел Айлып домой, а сам думает: «Про какого это она филина сказывала? Мало ли их в лесу! Которому кланяться?»

Думал, думал, да и вспомнил. Как на дереве сидел, так вился один у самого носу и все кричал: «Фубу! Фубу!» — будто упреждал: берегись, дескать.

«Беспреренно про этого говорила», решил Айлып и воротился к тому месту. Просидел до вечера и давай кричать:

— Дедко Филин! Научи уму-разуму! Укажи дорогу.

Кричал-кричал, никто не отзывался. Только Айлып терпеливый стал. Еще день переждал — и опять кричит. И на этот раз никто не отозвался. Айлып третий день переждал. Вечером только крикнул:

— Дедко Филин!

А с дерева-то сейчас:

— Фубу! Тут я. Кому надо?

Рассказал Айлып про свою незадачу, просит пособить, ли можно, а Филин и говорит:

— Фубу! Трудно, сынок, трудно!

— Это, — отвечает Айлып, — не горе, что трудно. Сколь силы да терпенья хватит, все положу, только бы мне невесту мою добыть.

— Фубу! Дорогу скажу. Слушай...

И тут Филин рассказал по порядку: Полозу, дескать, в наших местах сила большая дана. Три дня на коне скачи,

и то из его кругов не уйдешь. Есть только одно озеро, где Полозова сила не берет. Коли кто с золотом доберется до камня на середине озера, тому ход откроется вниз, под озеро. Тут уж Полозу не взять... И обсказал, по каким приметам озеро найти. Все как есть на Иткуль приходится. Напоследок еще добавил:

— Фубу! Думай, сынок, думу! Обратного ходу не будет.

Поблагодарил Айлып дедку Филина и пошел домой. Вскорости нашел он то озеро с камнем посередине и сразу смекнул: «В день до этого места не добежать, беспрерывно надо конскую дорогу наладить».

Вот и принялся Айлып дорогу прорубать. Легкое ли дело — одному-то, да по густому лесу на сотню верст с лишком! Когда и вовсе из сил выбьется. Вытащит тогда косу — конец-то ему достался, — посмотрит, полюбуется, рукой погладит и ровно силы наберет, да опять за работу. Так у него три-то года незаметно и промелькнули, только-только успел все сготовить.

Час в час пришел Айлып за своей невестой. Вытащил ее косу из речки, намотал на себя, и побежали они бегом по лесу. Добежали до прорубленной дорожки, а там шесть лошадей приготовлено. Сел Айлып на коня, невесту свою посадил на другого, четверку на поводя взял, да и припустили, сколько конской силы хватило. Притомится пара — на другую пересядут да опять гнать. А лисичка впереди. Так и стелет, так и стелет, коней задорит — не догнать-де. К вечеру успели-таки до озера добраться. Айлып сразу на челночок, да и перевез невесту свою с лисичкой к озерному камню. Только подплыли, в камне ход открылся; они туда, а в это время как раз и солнышко закатилось.

Ох, что только тут, сказывают, было! Что только было!

Как солнышко село, Полоз все то озеро в три ряда огненными кольцами опоясал. По воде-то во все стороны золотые искры так и побежали. Дочь свою все ж таки вытащить не мог: Филин Полозу вредил. Сел на озерный камень, да и заладил одно:

— Фубу! Фубу! Фубу!

Прокричит этак три раза, огненные кольца и потускнеют маленько, вроде остывать станут. А как разгорятся снова да золотые искры шибко по воде побегут, Филин опять закричит.

Не одну ночь Полоз тут старался. Ну, не мог. Сила не взяла.

С той поры на заплесках озера золото и появилось. И все, слышь-ко, чешуйкой да ниточкой, а жужелкой либо крупным самородком вовсе нет. Откуда ему тут, золоту, быть? Вот и сказывают, что из золотой косы Полозовой дочери натянуло. И много ведь золота.

А тот Айлып со своей женой Золотой Волос так под землей и остался. Луга у них там, табуны конские, овечьи. Одним словом, приволье.

Выходит, сказывают, Золотой Волос на камень. Видали люди. На заре будто выйдет и сидит, а коса у ней золотой змеей по камню вьется. Красота будто! Ох, и красота!

Ну, я не видал. Не случилось. Лгать не стану.

1950 1951

11 093

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМ ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДОТГИЗА

Цена 2 р. 10 к.